

Николай Тришин

„Мы увидели нашу победу“

Николай Гришин

«МЫ УВИДЕЛИ
НАШУ ПОБЕДУ»

Стихотворения, проза

Москва, 2015

УДК 821.161.1-1 Гришин
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Г

Г **Гришин Н.Д.** «Мы увидели нашу победу»: Стихотворения,
проза. – Москва: «ММТК-СТРОЙ», 2015. – 88 с., ил.

ISBN

УДК 821.161.1-1 Гришин
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

©Гришин Н.Д., 2015
© Оформление «ММТК-СТРОЙ», 2015

ISBN

*Светлой памяти Николая
и Ивана Гришиных*

Их нет уже. Они свой срок отбыли
На той земле, что им навек дана.
В речной волне, в траве, в дорожной пыли
Затихли, растворились имена.

По-разному из жизни уходили
Мужчины, повстречавшие войну.
Одним до Мая не хватило мили,
Другим досталось поднимать страну.

Во всём солдаты – поднимались молча,
Как будто в бой, на мирные дела.
Не доверяли больше многоточью.
Работали, чтоб лучше жизнь была.

Любили. Детям имена давали
Такие, чтоб известно наперёд:
Есть на Земле Сережи, Вани, Гали...
Есть продолженье – значит, вечен род.

Их нет уже. Их дети постарели,
У внуков жизнь другая – не понять.
Но почему-то знаем мы в апреле:
До мая очень надо дошагать.

И положить к могилам, обелискам
Цветы живые, головы склонить.
Их нет уже. Но почему так близко
Глаза, которых в жизни не забыть?

Что им ответить? Жертвы нет напрасной.
Вы сберегли, вы создали, и пусть
Непросто все, но май такой прекрасный
И светлый, как по вам святая грусть.

Алевтина Гришина

Учитель, воин, учитель

Николай Дмитриевич Гришин, мой дедушка, родился в деревне Болынтово Тульской области 7 января 1923 года. Вскоре семья, где было трое детей, потеряла кормильца, и мать вышла замуж за вдовца с детьми. Большая семья жила дружно, но тяжелая крестьянская жизнь и естественное желание достичь большего увели из родительского дома сначала старшего – Ивана, а потом и Николай уехал в город Серпухов, где поступил в педагогическое училище.

Учиться было трудно, юноша переводится на заочное отделение, и его направляют на работу в Каширский район, с которым впоследствии была связана вся его жизнь. Осенью 1939 года он пишет матери: *«Уже два дня работаю в Руновской начальной школе. Учю два класса сразу – первый и третий. Учительница хорошая, помогает мне... Живу в школе, комната большая (5x4), с нашу кухню. Школа в лесу за деревней, магазин далеко – за километр, но там трудно что-то достать, готовить можно, но не в чем... Денег осталось 40 рублей, наверно, не хватит. Мне надо купить замок, лампу, пока я взял у учительницы...»*.

Быт потихонечку налаживался. На работе тоже все вроде бы ладилось. Конечно, не без помощи учительницы (заведующей школой) Анны Николаевны Игумновой, дочь которой, Галина, была ровесницей молодого учителя. Забегая вперёд, скажу: свою любовь они пронесли через войну и прожили вместе всю жизнь. А пока Николай сдает сессию в училище, возглавляет комсомольскую организацию в Малом Рунове, руководит местным драмкружком и... ждёт ответа из военной кавалеристской школы, куда направил письмо, чтобы «узнать, когда там будет приём».

Но стать кавалеристом не судьба. Начало Великой Отечественной войны Николай Гришин встречает курсантом Московского артиллерийского училища. Из писем лета-осени 1941-го: *«Мама, особенно не расстраивайся, я ещё не скоро поеду на фронт. А если поеду, то это необходимо, так как мой долг – защищать Родину от фашистов»* (22 августа); *«Мама, письмо твоё получил, когда был на фронте... Сейчас живу в Москве, продолжаю доучиваться. Обо мне особенно не беспокойтесь...»* (31 октября).

Спустя неделю после этого письма в рядах курсантов-артиллеристов Николай пройдёт по Красной площади, участвуя в ставшем знаменитом на весь мир Параде, и уедет доучиваться в Миасс Челябинской области, откуда напишет матери: *«Теперь я не просто артиллерист, а краснознамённого Гвардейского училища курсант»*.

Окончив ускоренный курс училища, Николай Дмитриевич останется преподавать здесь же. Но не надолго – вскоре отправится в действующую армию. Воевал в Крыму, затем на Северо-Западном направлении. Среди его наград – орден Боевого Красного Знамени, медаль *«За отвагу»*. Войну закончил в Заполярье, но не демобилизовался и продолжал служить до 1948 года, когда пришлось оставить службу по состоянию здоровья.

Тяжёлая, изнуряющая болезнь желудка преследовала его с юности, и, понимая, что она не позволит ему оставаться кадровым офицером, старший лейтенант что называется *«готовил тылы»*. Из письма от 11 мая 1945 года: *«Дорогие родные, поздравляю вас с окончанием войны! Да, мы увидели нашу победу над фашистской Германией! Теперь наша задача – строить счастливую и мирную жизнь. Я пока на старом месте, но думаю, что скоро закончу службу... Хочу поступить в институт в Москве. Учиться надо, необходимо, и я, несмотря ни на что, буду учиться»*.

В 1948 году вместе с супругой – Галиной Петровной, которая два года прожила вместе с ним в Заполярье, Николай Гришин возвращается в Каширский район. Студент института иностранных языков имени Мориса Тореза, он начинает преподавать английский язык в семилетней, а затем в средней школе № 1 города Кагановича (ныне Кашира-2).

Более тридцати лет отдал мой дедушка педагогической работе. Был завучем в Каширской средней школе № 4, директором Каширской средней школы № 3 и восьмилетней № 30 в Ожерелье, заведующим городским отделом народного образования. Скольких людей он выучил – не сосчитать. А скольких увлек творчеством, руководя драмкружком, туризмом – организуя походы по памятным местам Подмосковья! Еще живы его ученики, и случается, что, узнав, из какой я семьи, люди говорят: «Мы помним Николая Дмитриевича».

Его не стало в шестьдесят лет. Но память о нем живёт в письмах, которые хранятся в нашей семье, в стихах, которые он писал на протяжении всей своей жизни и которые (а также один из рассказов) мы решили издать в год 70-летия Великой Победы. Поскольку в них, пусть и не очень совершенных, перед нами предстает защитник Родины и гражданин, которому небезразлична её судьба, педагог и наставник многих наших земляков и очень родной нам человек.

У меня подрастает сын. Конечно, я расскажу ему о прадедушке, о той жизни, которую тот прожил, о дочерях, которых они с бабушкой воспитали. Уверена: Артём будет гордиться таким родством. А еще обязательно передадим сборник в школы района и впервые очередь в те, где дедушка работал. Пусть память об учителе сохранится для будущих поколений.

И последнее. Стихи расставлены в хронологическом порядке. Конечно же, в них много личного, прослеживается биография дедушки, нетрудно выявить периоды наибольшего творческого подъема, да и темы говорят сами за себя. Но пусть все будет именно так. Ведь, как писал булат Окуджава, «каждый пишет, как он дышит...». От себя добавлю: как живёт и чувствует.

Ирина Фёдорова,
внучка

К ЛЮБИМОЙ

Без тебя грущу я,
Ласточка моя,
Возвратись, прошу я,
Приласкай меня.

Ты поверь, что скучно
Мне здесь без тебя.
Будем неразлучны –
Вот мечта моя.

Вспомни час знакомства
В тихий вечерок,
Но не смейся только
За нелепость строк.

Красоты в них мало,
Прямо говорю,
Но любовь к тебе я
Высказал свою.

*Село Руново,
26 декабря 1940 года*

КЛЯТВА

Вспомни, родная, тот вечер,
Вечер февральский простой,
Клятву любви нашей вечной,
Чистой, красивой, большой.

Что впереди, неизвестно...
Всё же клянусь я тебе:
Крепко любя тебя, вечно
Рядом идти по судьбе.

Я, дорогая подруга,
Всё это сердцем пишу.
И от тебя, не скрываю,
Этой же клятвы прошу.

Мы молодые с тобою,
Годы, как реки, текут,
Юность смывая волною,
К нам они вновь не придут.

Вдумайся, это читая.
Что же мне скажешь в ответ?
Я написал, дорогая,
Сердцу ж спокойствия нет.

*Село Руново,
17 февраля 1941 года*

ВЕРНИСЬ!

Вернись, вернись, тебя я умоляю,
Вернись скорее, ласточка моя!
Тебя на время я забыть стараюсь,
Но не могу на миг забыть тебя.

Ты, уезжая, не грустить просила,
Ты говорила: «Скоро я вернусь».
Меня ж тоска такая вдруг скрутила,
Что и спокойным быть сейчас боюсь.

Мне кажется, подруга дорогая,
Что ты ушла навеки от меня.
Всей силою любовь я уменьшаю,
Страшась во мне горящего огня.

Прошу, зову тебя, моя родная,
Вернись, вернись, любимая, ко мне!
Твой образ милый ясно проступает
Передо мною и в мятежном сне.

И мой покой, и нужный сердцу отдых
Уносит безвозвратно образ твой,
И я, проснувшись, плачу долго-долго,
Совсем не в силах совладать с собой.

Вернись, вернись, тебя я умоляю,
Слова любви я снова повторяю.
Люби меня – и мне не надо рая,
Люби меня, как я тебя люблю!

*г. Каганович,
27 марта 1941 года*

ПРОЩАЛЬНАЯ

От вас, друзья, я скоро уезжаю,
Мне путь-дорога далека.
Село родное с грустью покидаю,
И сердце мне щемит тоска.

Здесь грусть немного по родному краю,
Здесь грусть по матери родной,
Но больше грусти – это точно знаю –
По той, что стала дорогой.

Пройду, наверно, вёрсты все и войны,
Что выпадут на долю мне.
Но буду вечно, вечно, вечно помнить,
Любимая, я свет в твоём в окне.

*Село Руново,
29 марта 1941 года*

ВОСПОМИНАНИЯ

Золотая осень. Тёплый, тихий ветер
Ласково листочки ветел теребил.
Вечер нашей первой и желанной встречи
И начала дружбы и большой любви.

Помню, как ходили мы вдвоём с тобою,
Весело шутя, играя и смеясь,
И любовь большая бурною рекою,
Как в бассейн готовый, к нам в сердца влилась.

Полюбили крепко. Только интересно,
Как могли сойтись мы, милая, с тобой:
Я, «искатель счастья» на селе известный,
Ты с такой правдивой и честною душой?

Только что нам толки, чья-то укоризна?
Мы с тобою вместе, вовсе не шутя.
Стать надёжным другом, другом твоей жизни
Я хочу навеки – так люблю тебя.

*Село Руново,
18 апреля 1941 года*

ПРОЩАЙ...

Прощай, село! Прощай, Руново!
Прощай, знакомый лес и луг!
Прощайте все! Друзья, прощайте!
Прощай и ты, любимый друг!

Быть может, больше и не встречу
Тебя нигде и никогда,
Но, знай, в груди моей навечно
Зажглась любви к тебе звезда.

И коль случится нам, подруга,
В краю знакомом иль чужом
С тобою обрести друг друга,
Рад буду жизнь прожить вдвоем.

*Село Руново,
4 мая 1941 года*

К ССОРЕ

Верни! Верни! Тебя я умоляю,
Верни дни счастья нашего назад!
Верни! Верни! Я снова повторяю,
Ужель не видишь: слёзы на глазах?

Верни! Верни нам радостную дружбу,
Верни! Верни нам пылкую любовь!
А кроме этого, уже не нужно
Мне в жизни этой больше ничего.

Пускай любовь к нам светлая вернётся,
(Тоска лежит в груди моей свинцом),
И пусть опять по-прежнему смеётся
Твоё – теперь суровое – лицо.

Верни! Верни! Я снова умоляю,
Верни, родная, дружбу и любовь!
Пойми меня, поверь, что я страдаю,
Верни мне радость моей жизни вновь!

*Село Руново,
8 мая 1941 года*

ОФИЦЕРСКАЯ ЗАСТОЛЬНАЯ

Мы празднуем нынче победу
Над подлым заклятым врагом.
Наполним, друзья офицеры,
Бокалы шипучим вином!

Мы храбро сражались и можем
Отметить победы свои,
А в будущих битвах умножим
Оружием славу Руси.

Наполним, друзья офицеры,
Бокалы шипучим вином
И, выпив до дна за победу,
О славе Отчизны споём!

*Печенга,
10 ноября 1944 года*

МЫ – ГВАРДЕЙЦЫ

Мы – гвардейцы Отчизны любимой,
Мы в сраженьях всегда впереди,
Мы не дрогнули в прошлом, а ныне
Мы сметём всех, кто встал на пути.

Насмерть встали тогда под Москвою,
Но о смерти не думали мы.
Шли в атаку волной грозовой
На защиту любимой Москвы.

Враг, изведав гвардейцев удары,
От Москвы еле ноги унёс.
Мы погнали его сквозь пожары,
Через реки им вызванных слёз.

На Кавказе, в Крыму, в Сталинграде,
Ленинграде, под Курском, Оршён
Били тех мы без всякой пощады,
Кто страну нашу грабить пришёл.

Не за тем мы царей прогоняли,
Чтоб фашистов в цари пригласить.
Мы без них своё счастье создали
И без них можем в радости жить.

*Поселок Ахмалахти,
23 ноября 1944 года*

МИР ЕВРОПЕ

Ставка Гитлера – в злобе звериной.
Да и как не метаться зверью,
Если в нас на пороге Берлина
Оно грозного видит судью?

Они жгли города наши, села,
Стариков убивали, детей,
Опоганили храмы и школы,
Обездолили столько семей!

Час расплаты настал, и пощады
Пусть фашистская свора не ждёт.
Мы сметём на пути все преграды,
Если Родина скажет: «Вперёд!»

Мы Европу от сумерек страшных,
От фашизма избавим навек,
Пусть живет жизнью светлой, прекрасной
Трудовой, братский нам человек.

*Поселок Ахмалахти,
25 ноября 1944 года*

ПАМЯТИ БРАТА

Прости, мой брат, что гибели твоей
Слезами я оплакивать не в силах.
Уверен я, что и среди полей
Травой не зарастёт твоя могила.

Ты пал в бою, стремясь всегда вперёд
На самолете быстром звездокрылом,
И памятник тебе родной народ
Поставил средь полей под Измаилом.

*Поселок Сальмярви,
2 февраля 1945 года*

ЛЮБИМОЙ

В час, когда бирюзовый закат,
Угасая, нам ночь посылает,
Я невольно бросаю свой взгляд
В те края, где меня ожидает
Моя любимая –
Юных лет мечта.
Без тебя, любимая,
Жизнь была б пуста.

Дни за днями идут чередой,
Приближая минуту свиданья,
Но как долги они, ангел мой,
Эти дни средь тоски и страданья.
Моя любимая –
Юных лет мечта.
Без тебя, любимая,
Жизнь была б пуста.

*Поселок Луостари,
10 мая 1945 года*

РЕВНОСТЬ

Вспомни в час досуга радость прежней встречи,
(Может быть, приятно будет помечтать),
Нежность, поцелуи в летний тихий вечер.
Я хочу с тобою вместе вспоминать.

Далеко заброшен я войны рукою,
Грусти и печали речь моя полна.
Знай, что каждый вечер с первою звездой
Ты передо мною – радости весна.

Может быть, под тихий шум и рокот моря
И дыханье ветра, нежность тёплых струй
Губы мне родные, с совестью не споря,
Отдают другому жаркий поцелуй.

Осудить, родная, я тебя не смею,
Ты не одинока на пути таком,
Трудно ждать годами и мечту лелеять,
Коль другие рядом, «холосты» при том.

*Поселок Сальмярви,
13 октября 1945 года*

ОРЛОВСКОЙ НЕЗНАКОМКЕ

Мечтая о встрече с тобой,
В ответ получил я прощанье.
Уж, видимо, рок мой такой –
В любви находить расставанье.

Я был бы счастливым, коль мог
Остаться в какой-то надежде,
Что тон твой, хоть резок и строг,
Но мысли все те же, что прежде.

Мне больно, но что я могу
Ответить на это мученье?
Я мог бы ответить врагу,
Но ты ведь мое увлеченье.

Как мне хоть минуту побыть
С тобою, «бегущее счастье»,
В объятьях твоих позабыть
Все боли в тиши сладострастья?

*Поселок Сальмиярви,
15 ноября 1945 года*

ГАЛЕ

В день именин, моя родная,
Тебе я эту песнь пою,
Чтоб ты была спокойна, зная,
Что я тебя, как жизнь, люблю.

Моя любовь в воде не гаснет,
В огне горит еще сильнее,
Она не старится, как страсти,
А наша юность вечна с ней.

И силы нет такой на свете,
Чтоб нас могла разъединить.
Моя любовь дана навеки,
Ничто её не умертвит.

*Село Руново,
26 мая 1946 года*

РОДНОЙ КРАЙ

Выйду на луг приокский под вечер
И тропинкой пройду до реки.
Дует ласковый ветер навстречу,
И видны городов огоньки.

Необъятный простор Подмосковья –
Часть любимой прекрасной страны,
Я люблю тебя нежной любовью,
Мои мысли тобою полны.

В мягких сумерках тишь и прохлада
Мне сопутствуют, словно друзья.
Где-то птичка тилинькает рядом,
За рекой слышу трель соловья.

Средь приволья простора и тиши
Я о счастье пою на лугу,
И хоть голос мой слаб и неслышен,
Я сегодня не петть не могу.

Всё во мне полно счастья и силы,
Все невзгоды, померкнув, ушли.
Здравствуй, край мой родной и любимый,
Как скучал по тебе я вдали!

*Село Руново,
12 августа 1953 года*

СИНИЦА

(басня)

Известно всем, что хоть синица
И хуже соловья, но петь-то все же мастерица.
(А птичий праздник был зимой),
И вот её просить все стали: «Душка, спой!»
Синица всех просящих оглядела,
Вверх носик подняла, однако не запела.
Ей не понравилось, что ни одна из птиц,
Прося её, пред ней не пала ниц.
«Ах, так! – синица тут решила, –
Так вы желаете, чтоб вас я проучила?
Я так и сделаю. Обиды не забуду».
И гордо молвила: «Сегодня петь не буду».
Быть может, праздник и закончился на этом,
Когда б два воробья не стали петь дуэтом.
Неважно пели, следует признаться,
Но не без песен же на праздник оставаться!

Мораль сей басни несложна,
Но, думаю, для каждого важна.
Ты, как она, особых просьб не ждёшь?
Ты на синицу эту не похож?

*Город Каганович,
31 января 1954 года*

СПОРИТЬ НЕ СТОИТ

Заспорили однажды дятел с соловьём.
Они частенько спорили друг с другом обо всём.
На сей раз спор о музыке зашёл,
И первым дятел речь свою повёл:
«Что до меня, я не терплю рапсодий
Иль увертюр и прочих там мелодий.
Я треск люблю, да так, чтобы кругом
Всё засвистело, заходило ходуном.
Признаюсь тем не менее: в минуту настроения
И я не прочь хорошее послушать пение
И то под джаз. Но не любое,
А для примера, скажем, вот такое».
И дятел загнусавил что-то пропитое.
Тут соловей, не выдержав, вскочил:
«Послушай, дятел, у меня нет сил
Такое слышать, это ж ерунда!»
Но дятел молвил: «Плохо? Да?
Но здесь ведь крик и плач души разбитой,
И в музыку вот здесь я ввёл бы стук в корыто
Для впечатления. Вот это было б дело!»
Но соловью всё это слушать надоело.
«Вот ты деревья долбишь, – он ответил, –
Неужто до сих пор ты не заметил,
Что там, где пустота, обычно треск сильнее
И дерево само гораздо там гнилее?»
... Еще живут такие дятлы среди людей,
Которым музыка лишь та, где шум и треск сильней.
Конечно, джаз по-своему хорош,
Коль слушать иногда, а долго – так с ума сойдёшь.

*Город Каганович,
1954 год*

НОЧЬ НА ОЗЕРЕ

На глади озёрной, широкой, просторной,
Где каждая травка видна,
Спустившись с небесных просторов бездонных,
Купается тихо луна.

Я б с ней искупался, но стоит лишь, прыгнув,
Нарушить озёрную гладь,
Она в миг исчезнет и в радужных брызгах
Очутится в небе опять.

Поэтому я, затаивши желанье
(А вечер так тих и хорош!),
Спрошу, не нарушить стараясь купание:
«А завтра сюда ты придёшь?»

*Село Руново,
лето 1955 года*

РОДНОЙ АРМИИ

Ты родилась в пылу сражений,
В огне боёв, в пурге свинца,
Тебя создал великий Ленин
Высоким гением творца.

Ты – плоть от плоти, кровь от крови
Дитя трудящихся людей.
Дороги их – твои дороги,
И ты горда судьбой своей.

В боях за правду, за свободу,
За мир и счастье на Земле
Снискала ты любовь народа
Страны, рождённой в Октябре.

В смертельной схватке с тьмой фашизма
Ты отстояла жизнь и свет.
И воздаёт хвалу Отчизна
Тебе – волшебнице побед.

Тебе в твой славный день рожденья
Привет народы мира шлют,
И верят твёрдо поколенья:
Ты защитишь их мирный труд.

*Город Каганович,
февраль 1955 года*

ПЕДСОВЕТ

Семь часов. Совет начался.
Встал директор – речь ведёт.
А народ тотчас занялся –
Что кому на ум придёт.

Кто в журнале списки пишет,
Кто беседует слегка,
Кто, читая, еле дышит –
Тяга к чтению велика!

Календарь листают двое
(Там картинки – не доклад)
И о чём-то меж собою
Потихоньку говорят.

Кто тетради проверяет,
Кто бумагу просто рвёт
И, под стол её бросая,
Ждёт конца, усердно ждёт!

Вот окончились доклады.
Оживились все тотчас
И в душе безмерно рады:
«Нынче коротко у нас».

Вдруг заминка. Что такое?
Надо прения начать.
Ждём... Увы, опять выходят
Те же лица выступать.

Вывод есть из этих строчек
Лишь один: что педсовет
Должен быть живей, короче,
Без всего, что нам во вред.

*Город Каганович,
февраль 1965 года*

ЖЕНЕ ГАЛЕ

Тебе лишь одной про любовь расскажу,
От тебя ничего не тая,
Я любовью к тебе, как собой, дорожу,
Синеокая радость моя.

Много женщин красивых я вижу вокруг,
Но они все тебе не ровня.
Ты – единственно лучший мой друг,
Ты дороже, чем жизнь, для меня.

*Город Каганович,
8 марта 1956 года*

ЖЕНЩИНАМ – УЧИТЕЛЯМ

Женщины, товарищи, примите
В праздник ваш мой пламенный привет!
Искренне желаю вам: живите
Много трудовых и светлых лет!

В деле нашем школьном благородном
Вас большие тысячи сейчас.
Пользуясь вниманьем всенародным,
Вы несёте знания для масс.

Хочется сказать вам искренне: «Спасибо!» –
Должное воздав большим делам.
Женщины в наш век – огромнейшая сила.
Слава этой силе! Честь и слава вам!

*Город Каганович,
8 марта 1956 года*

В СИЯНЬЕ СОЛНЦА ЗОЛОТОГО

В сиянье солнца золотого
Страна моя из края в край
Под стягом мира и свободы
Встречает светлый Первомай.

Первомай – праздник дружбы и мира,
Праздник счастья, труда и весны,
Первомай – демонстрация силы,
Выступающей против войны.

Знамёна ввысь подняв, шагает
Страна моя большим путём,
И жизнь всё зримей открывает
Нам цель, к которой мы идём.

Первомай – праздник наших успехов,
Торжества наших смелых идей,
Путь, указанный партией, светел,
К счастью, к миру зовёт он людей.

*Город Каганович,
24 апреля 1956 года*

ЗАПРЕТНАЯ ЛЮБОВЬ

О, если бы только я мог рассказать –
Как жаль, что мне слов не хватает, –
Как Вас я люблю и как сильно страдать
Меня к вам любовь заставляет!

Пропала куда-то и гордость моя,
И воля куда-то девалась,
Порою сержусь я на Вас, на себя,
А большего мне не осталось.

Покой потеряв, я напрасно стремлюсь
Вас видеть и дольше, и чаще:
В итоге всех встреч – лишь привычная грусть
И тенеподобное счастье.

Как видно, нам с Вами совсем не судьба
Когда-нибудь вместе идти,
Меня утомила с желаньем борьба –
Ведь столько преград на пути!

А самой большою преградой для нас
Являются семьи и дети.
Ведь каждый осудит меня, да и Вас,
А что мы на это ответим?

Любовью друг к другу кого убедишь?
Не каждому это знакомо...
Осталось одно лишь: седи, как сидишь,
Довольствуйся тем, что есть дома.

Я Вам обещаю, что больше шутить
Не буду в присутствии Вашем,
Я буду, как прежде, Вас молча любить,
Открытой любви путь мне страшен.

Вы сказали: очень надоело
Дни и ночи думать обо мне,
Надо, несомненно, что-то делать,
Чтоб не быть несчастными вдвойне.
Я могу сказать вам в утешенье,
Что не меньше думаю о Вас,
Что ловлю, забыв все униженья,
Ваши взгляды в сутки сотни раз.

Я счастлив, видя часто Вас,
Но был бы счастлив я вдвойне,
Когда б сиянье Ваших глаз
Принадлежало только мне.
Я Вас люблю, мой милый друг,
Люблю безумно, нежно, страстно.
Когда я вижу Вас, вокруг
Всё дышит радостью и счастьем.

*Город Новокаширск,
январь-март 1956 года*

СЛЫШУ СОЛОВЬЯ

За тихой рекою поёт соловей,
А что в его песне, не знаю.
Поёт ли он песню любимой своей
Иль только о встрече мечтает?

А может быть, просто взгрустнулось ему
И он вдруг защёлкал от скуки?
Но я его песен совсем не пойму –
Что мне его радость иль муки?

Но что бы ни пел он в ночной тишине,
Ему я признателен очень
За то, что помог он нечаянно мне
Почувствовать прелести ночи.

*Село Руново,
12 августа 1956 года*

ВЫПУСКНИКАМ ШКОЛЫ

Совсем недавно в этой школе
Звенели ваши голоса,
И вот для вас период новых
Свершений в жизни начался.

Одни из вас пошли учиться,
Другие встали у станков,
И вправе мы сейчас гордиться
Делами всех выпускников.

Мы верим в то, что в деле всяком –
В большом иль в малом, всё равно –
Не примиритесь вы ни с браком,
Ни с тем, что плохо и вредно.

Мы знаем: кое-кто расстроен,
Что все мечтанья не сбылись.
Совет один: бросать не стоит
Того, за что вы раз взялись.

Желанье наше – видеть чаще
Вас у себя в гостях и впредь.
Поверьте в то, что ваше счастье
Нам помогает не стареть.

А мы ведь все в какой-то мере
На вас влияли десять лет,
И счастья (можете нам верить!)
Для нас другого в жизни нет.

*Город Новокаширск,
28 февраля 1961 года
(вечер встречи выпускников ШРМ № 11)*

СЧАСТЛИВ ОТ ТОГО Я...

Счастье человека. Чем его измерить?
Не имеет счастье видимых примет.
Кто живёт по правде, тот и в счастье верит,
Тот не очень думает, счастлив или нет.

Всякий спор о счастье просто беспредметен,
Все на счастье смотрят с разной высоты:
Для одних в том счастье, что живут на свете,
Для других же счастье – плод пустой мечты.

Моё счастье – небо мирно голубое,
Когда труд приятен, когда есть любовь.
Я ни с кем не спорю. Счастлив оттого я,
Что дано мне право быть самим собой.

*Город Кашира,
1 февраля 1964 года*

НА СМЕРТЬ

З. Н. ЧАРУХИНОЙ

Под свежим холмиком родной земли навечно
Тебя сегодня мы оставили одну...
Не сетуй очень на родных за бессердечность
И одиночество не ставь ты нам в вину.

Ушла от нас ты в мир потусторонний,
Как все ушедшие, не кончив дел земных...
Но мы закончим – мир еще огромен,
Поэтому, пожалуйста, не сожалея о них.

Была для нас ты мамой, бабой, тетей
И навсегда останешься такой –
Родной среди родных, товарищ по работе.
Мир праху твоему, мир, вечность и покой.

*Москва,
15 ноября 1976 года*

ЖЕНЕ ГАЛЕ

Мы в жизни подошли к такому рубежу,
Когда любовь теряет силу страсти,
Но я тобой, как прежде, дорожу
И вижу в этом подлинное счастье.

Друг друга мы теперь иначе любим,
Чем, скажем, тридцать с лишним лет назад,
Но можем мы друг другу, и всем людям,
И детям нашим с гордостью сказать:

Прожили мы, тревог почти не зная,
Встречали вместе каждую зарю.
И я на склоне лет тебя, родная,
За верность, за любовь, за всё благодарю.

*Город Кашира,
17 июня 1977 года*

И БЫЛ ПАРАД

В том грозном сорок первом, ноября седьмого,
Когда Москва, уже в полукольце врагов,
К боям готовилась жестоким и суровым,
На Красной площади парад был. Он без слов
Развеял в прах все домыслы, прогнозы
О том, что дни Москвы теперь уж сочтены,
И стал парад тот острою занозой
Для многих горе-прорицателей войны.
А было так. В то утро по приказу точно
На площадь Красную с открытых трёх сторон
Войска вступили четко, по-хозяйски прочно
Под шелест тихий алых бархатных знамён.
Довольно долго шло частей перестроенье:
Фронтвикам был непривычен ритуал.
Но вот все замерли, и генерал Артемьев
К построенным колонным подскакал.
Он осмотрел войска внимательно и строго,
Дал указанья краткие начальникам колонн.
Послышалась команда «Смирно!», звон подковок,
И к центру площади коня направил он.
А там от башни Спасской чинно, церемонно,
Давно известный всем, прославленный, родной,
На площадь выехал принять парад Будённый,
Конь танцевал под ним искристо-вороной.
И, выслушав короткий рапорт генерала,
Семён Михайлович отправился к войскам.

На площади такая тишина стояла,
Что было слышно, снег как падал и шуршал.
С Октябрьским праздником торжественно-приветно
Будённый поздравлял прибывших на парад.
Конь нёс его и вздрагивал заметно,
Когда вздымалось в небо мощное «Ура!»

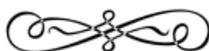
Смотр войск закончился, и все парада ждали,
Уже послышался Курантов мерный звон,
Когда магическое «Сталин! Вон он, Сталин!»
Прошло неудержимо вслух со всех сторон.
Стоял он на трибуне скромно, как обычно,
С ним рядом – видные вожди большевиков...
Все были счастливы и рады безгранично,
Что здесь, в Москве, ЦК, что он готов
Руководить войсками в битве за столицу.
И в мыслях воинов рождались уж слова:
«Теперь мы во сто крат сильнее будем биться
За нашу Родину и за тебя, Москва!»
А в это время Сталин, осмотрев колонны,
У микрофона встал, чтобы на всю страну
Сказать уверенно и твёрдо, непреклонно,
Что мы должны и можем выиграть войну.
Он говорил, что враг жесток, опасен,
Что он войну на истребление ведёт
Завоеваний наших, достижений наших
И заявляет нагло, лживо, что народ
Страны Советов – это люди низшей расы,
Что их удел – рабами только быть,
И долг наш в том, чтоб от коричневой заразы
Спасти страну и Землю оградить.
...И был парад. На удивленье миру,
Парад спокойствия всем слухам вопреки,
И тот, кто был там, мог увидеть силу,
Готовые к любым сражениям полки.
Они шли грозно в плотно сомкнутых колоннах,
К трибуне обратив и взоры, и сердца,
И можно было ясно видеть на знамёнах
Следы и пороха, и стали, и свинца.
Чеканной поступью, торжественно-сурово
Шагали воины, лелея мысль одну:
Идти вперёд, боям навстречу новым
За дело правое, за счастье, за страну.

1981 год

СБЕРЕЧЬ МИР

За океаном, в Вашингтоне
(Не в преисподней сатаны),
Всех убеждают, что не стоит
Бояться ядерной войны.
И обещают хладнокровно
Вести её лишь кое-где:
Поскольку, мол, Земля огромна,
Не все окажутся в беде.
Что это? Бред? Плохая шутка?
Иль кризис слабого ума?
Должна б подумать хоть минутку
Рейгнминистрация сама.
Неужто им и вправду мнится,
Что отсидаются в бункерах,
Пока полмира будет биться
В смертельных муках? Или страх
Совсем неведом этим людям?
Иль славы зуд их охватил?
Народы мира, сколько будем
Мы жить в плену зловещих сил?!
Пора избавиться от страха
И людоедов обуздать,
Скрутить смирительной рубахой
И всех в «Музей злодеев» сдать.
Иначе страшной катастрофой
Бред обернётся для Земли.
И с нас потомки спросят строго
За то, что мир не сберегли.

15 ноября 1981 года

«ИСТИНА В ВИНЕ»?

«Ин вино веритас», – цитируем порою
Кого-то мы из древних мудрецов
И, чтоб на творчество ум, якобы, настроить,
Вина бокал пьём полный до краёв.

А если вдуматься, то автор этой фразы
В вине совсем не истину искал,
Он с помощью вина отчётливо и сразу
Суть человека, видно, познавал.

И неслучайно на Руси живал обычай –
Дать жениху напиток допьяна,
И если удавалось – то отлично
Его натура всем была видна.

В подпитии мы иногда творим такое,
Чего нам без вина не сделать бы вовек:
Легко равняемся в поступках со свиньёю,
Твердя при этом: «Я же человек.

А что до истины... То никому из пьющих
Она ни разу не пришла на ум,
А если и мелькнёт, тяжёлый сон грядущий
Избавит мозг от всех «не виновных» дум.

*Город Кашира,
3 декабря 1981 года*

НЕ ЖАЛЮЮСЬ, А ВОЗМУЩАЮСЬ

Моя история печальна, но правдива,
Я назову в ней даже имена:
Покорный ваш слуга – фамилия не диво,
Она потом внизу будет дана;
Другой в истории той – военком каширский
(Пусть прочитает, злобы не тая),
Фамилия его не как-нибудь – С-кий
(Пищу и в страхе вздрагиваю я).
Он подполковник, я ж был только лейтенантом
Назад тому примерно сорок лет,
Но бог не дал мне ни здоровья, ни таланта,
И в списках полководцев меня нет.
В сорок втором серьёзно язвою желудка
Кровоточащей вдруг я заболел,
Но в девятнадцать лет болезнь считая шуткой,
Я воевал, как все, и уцелел.
Пришёл из армии, работал, как все люди,
Сумел окончить даже институт,
Жизнь вовсе неплоха... Я думал, так и будет:
В душе покой, и боли не гнетут.
А в тридцать восемь – плохо... Но хирург отличный
Нас с язвою надолго разлучил.
Был комиссован я, и военком сам лично
Мне книжку инвалидскую вручил.
А дальше всё пошло, как мне хотелось:
Стал поправляться и обрёл покой,
Работать продолжал, и все в семье имелось.
И я махнул на пенсию рукой.
Шли годы. Десять... Двадцать... Силы на пределе:
Желудка – часть, и нервы, как стилет.
Уйти совсем с работы? Что я в самом деле?

До пенсии ведь пара с лишним лет.
Проблему эту мы в семье и дни, и ночи
Прикидывали долго так и сяк.
Жена согласна: «Поступай, как хочешь,
За выслугу получишь пятьдесят».
Две сотни в месяц потерять совсем непросто –
Бюджет семьи всегда ведь не пустяк.
А через год или два, быть может, будет поздно!?
Решился я: «Уйти! И только так!»
Друзья удивлены, ведь так уходят редко,
А недруги, конечно, не молчат,
Плачу партвзносы... «Вы же столько лет директор,
А пенсия – всего лишь пятьдесят?!»
И пала мысль на ум, но без большой надежды:
«А если инвалидность мне вернуть?»
И я в Мособлвоенкомат строчу депешу:
Дела ведь там, и лет прошло чуть-чуть.
В душе считал я просьбу лишней, неприличной.
Но очень скоро получил ответ:
Бумага – военкому, копию – мне лично,
В ней генерал был чуток к боли лет.
Конечно, не в стихах писал он отношение,
Но я стараюсь точно передать:
«Я требую вниманья к тексту обращения,
А автору ответ прошу Вас дать».
И пригласил меня С-кий на беседу.
Явился я в назначенный мне час,
Стою «во фронте». Военком после обеда
С приятелем толкует развалясь.
И вдруг: «Так вы чего хотите?» – Я не сразу
Сумел понять, что это он ко мне.
«Вернуть вам инвалидность что ли? – А сам глазом
Мигнул дружку. – Сочувствую вполне...
Но вот ранение в коленки (?) в сорок первом
С инфарктом (?) увязать нельзя никак...»

И смех весёлый. «Боже, дай мне только нервы, –
Молил я бога, – ну, за что же так?»
Стою, казарменной остротою сражённей,
И слышу смутно, как во сне, совет:
«Болячку отыщите, и чтоб врач вас с одной
На ВТЭК направил. Вот вам мой ответ».
Решил прервать поток я этих поучений,
Кивнул, «спасибо» тихое сказал
И вышел вон, подальше от таких мучений.
Стыдясь, не знал, куда мне деть глаза.
Пишу не потому, что жалуясь на свинство,
Оно, к стыду, не только в нём одном...
Хочу, чтобы всерьёз задумался С-кий,
Да и ему подобные, о том,
Что, может, потому он подполковник ныне,
Что лейтенанты вот такие на фронтах
Шли раненые в бой, а иногда больные,
Превозмогая ужас, боль и страх.

*Город Кашира,
12 декабря 1981 года*

Ах, леди Тетчер! Кто сказал Вам,
Что Вы останетесь живой,
Когда Земля от страшных залпов
Пустыней станет вековой?

Иль в Вас ещё живет надежда,
Что случай Англию спасёт?
Не верю я, что Вы невежда
В том, что нам «Першинг» принесёт.

Я Вам советую, не тешьте
Себя иллюзиями впредь,
Судьба у нас одна, поверьте,
В разрывах «Першингов» гореть.

А может статья (в сказке было),
Что я покрепче окажусь
И к жизни новой с новой силой,
Как птица Феникс, вновь рожусь.

*Город Кашира,
15 декабря 1981 года*

НЕ РАЗДУВАЙТЕ ИСТЕРИЮ!

Ах, как горюет безутешно
Американский президент,
Что завершается успешно
Для Польши «польский инцидент».
О том, что Польша – государство
И суверенное притом,
Забыл привычно догадаться
Официальный Вашингтон.
«Мы не позволим, чтобы кто-то
Свои дела решал без нас,
Кому как жить – у нас забота», –
Кричат рейхрейганы сейчас.
Забыв, что НАТО – блок военный,
Собрали Натовский совет
И заявили вдохновенно,
Что в Польше прав у граждан нет.
Потом с потугами решили
Кредитов Польше не давать
И чтоб все натовцы отныне
Не смели с Польшей торговать.
А надо б знать им, что у Польши
Есть бескорыстные друзья
И тех становится все больше,
Кто Штатам скажет: «Так нельзя
С любой страной обращаться,
Большой иль малой – все равно,
И пользы нет от ваших санкций
Ни вам, ни натовцам давно,
Не раздувайте истерию,
А лучше помните о том,
Что Польша – не периферия
И центр её – не Белый дом!»

*Город Кашира,
24 января 1982 года*

СВИДАНИЕ

Замело тропинки снегом.
Я спешу к тебе опять.
Только день с тобою не был,
А тебя уж не узнать.

Ты еще похорошела,
Чтоб красой своей пленять.
Шубку белую надела
Специально для меня.

Здравствуй, счастье!
Здравствуй, радость!
Здравствуй, поздняя любовь!
Как я рад, с тобой встречаясь
Всякий раз как будто вновь.

Повстречав тебя однажды,
Я с тех пор навеки твой.
Для меня, как светлый праздник,
Миг свидания с тобой.

Далеко ещё до лета,
Но я слышу соловья,
Плеск твой тихий предрассветный,
Смедва – реченька моя.

25 января 1982 года

НАНИ БРЕГВАДЗЕ

Я не знаю, Нани, когда Ваш день рожденья.
Может, уже был, может, будет на днях;
Этот стих – Вам подарок за чудное пенье.
Что рождает огромное чувство в сердцах.

Не хочу, чтобы мёл снегопад Вам на косы,
А хочу, чтобы пели Вы тысячу лет,
Ваше пенье не просто мне радость приносит,
Для меня оно вечно не меркнущий свет.

Не сочтите нескромным меня ради бога,
Я сто раз принести извиненья готов,
Что прошу для меня песню спеть про дорогу,
Про просторы Руси и её ямщиков.

15 февраля 1982 года

НА СМЕРТЬ Я. С. ГУБНИЦКОГО

В расцвете сил и творческих дерзаний
Ушел от нас ты, Яков, в мир иной;
Туда, где нет физических страданий
И где порядок вовсе не земной.

Нам очень жаль, что мы уже не в силах
Вернуть тебя в наш мир хотя б на час,
И, головы склонив, над свежею могилой
Стоят друзья твои. Но меньше стало нас.

Вот Вася Ручкин, твой директор давний,
Изрядно лысенький, но он не бюрократ,
Ягодин Лев, немножечко нескладный,
Но искренний, как лучший друг и брат.

Вот Ваня Селиверстов, все еще кудрявый,
Но видящий все хуже с каждым днем.
И автор этих строк, хоть хиленький, но бравый,
Начальством ставший, без «начальства» в нем.

Нет Юры Самгина... Он, как всегда, на даче,
Но обо всем узнав, он искренне поплачет.
У Левшина дела, а Смолиевский болен,
Болеет Кондрашов, и плох Панфилов Коля.

Нет Вити Любченко, но он душою с нами,
Умел он быть на «ты» со всякими гробами,
А ныне сильно сдал и постарел изрядно.
Ты ж знаешь сам, что в жизни не всегда всё складно.

...Все уже круг наш, Яков, но мы верим,
Что нас не сломят горе и потери.

15 июля 1974-го – апрель 1982 года

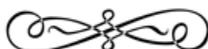
ВОЛОДЕ ФЕДЮКОВУ

С днем рождения, Володя,
Поздравляю от души!
Пусть к тебе года приходят
Счастьем светлым и большим!

Будь здоровым, ловким, смелым,
Никогда не унывай;
Повстречавшись с трудным делом,
Перед ним не отступай.

Береги себя, но помни:
Есть и в риске красота.
Лет желаю тебе долгих
И того, что есть в мечтах.

15 апреля 1982 г.

СТАРШЕМУ БРАТУ

Горжусь я тем, мой вечно юный брат,
Что там, где ты погиб на поле бранном,
В дружине пионерской есть отряд,
Носящий имя Гришина Ивана.

Ты пал в бою, стремясь всегда вперёд
На самолете быстром звездокрылом,
И памятник воздвиг тебе народ
В селе Подгорном, что под Измаилом.

А пионеры, мужеством гордясь,
Как зная-символ взяли твоё имя,
Чтобы его достойно прославлять
Делами и поступками своими.

К победе мы с тобою вместе шли
И даже были рядом там, на юге.
Но только в письмах матери могли
Прочесть скупые строки друг о друге.

Стал путь к победе очень дорогим –
Погибли миллионы в лихолетье,
Но мы, живые, помним вас и чтим,
Для нас вы живы, лишь ушли в бессмертье.

*Город Кашира,
8 мая 1982 года*

НЕ ПОВЕЗЛО

На платформе писк и гомон птичий...
Это расшумелись воробьи.
Слыханное ль дело – электричкой
Воробей уехал из семьи?

В горе неизбывном воробьях,
Жизнь уже в ней теплится едва:
«Ну, за что же мне такое лихо?
Кто теперь – жена я иль вдова?»

Не видать мне счастья на свете,
И весна теперь мне не весна.
Скоро у меня родятся дети,
Как я воспитаю их одна?»

В жизни воробьиной не бывало,
Чтоб семью оставил воробей.
Может быть, и к ним пришло начало
Моде, что замучила людей?

Сколько их уходят, уезжают,
В женах «пониманья» не сыскав...
Этих всех, кто жен, детей бросают,
Стоило б лишить каких-то прав.

Им, к примеру, запретить вторично
Новый брак законом оформлять,
Это поубавило б привычку
Семьи бесконечно создавать.

Ну, а воробей – виновник шума –
Мечется в вагоне сам не свой,
Оставлять семейство он не думал.
Просто он сейчас в беде большой.

Очень уж хотелось воробьишке
Вкусненьким подругу угостить,
И стремглав он в тамбур электрички
Ринулся, чтоб булочку схватить.

В это же мгновенье дверь-злодейка
Путь ему закрыла, как назло.
Он туда-сюда... Одни скамейки...
В общем, воробью не повезло.

*Платформа Тесна,
11 мая 1982 года*

В Европу, как в свои владенья,
Приехал Рейган налегке
И вызвал всюду удивленьё
Завидной лёгкостью в речах.

В желанье остром уничтожить
Мир коммунизма, мир свобод
Он звал усердно всех, кто может,
В крестовый ядерный поход.

Не очень как-то... президенту
Авторитетной той страны
(Хоть это не беспрецедентно!)
Быть проповедником войны.

Но вот деталь: меч крестоносца
Не хочет Рейган в руки взять,
Его мечты: пусть всё начнётся
В Европе – ей не привыкать.

Он щедро дарит всем партнёрам
На выбор «Першинг» иль «Трайидент».
Весьма прискорбно, что актёром
Так и остался президент.

15 июня 1982 года

ЖИВИ И ЗНАЙ!

Жене Гале

Тебе исполнилось сегодня шестьдесят,
Ты прожила их с совестью в согласье.
Учила в школе честно тридцать лет ребят,
В том находя призвание и счастье.

А в жизни твоей личной, думается мне,
Серьёзных испытаний не бывало.
Найти смогла ты мужа сносного вполне
И двух детей неплохо воспитала.

В твой день рождения тебе семья твоя
Здоровья, счастья искренне желает.
И помни: видеть бодрюю тебя
Нам счастье всем и радость доставляет.

Тебе еще желаем долгих, долгих лет.
Живи их полно, но не беззаботно.
Причин тебе больших расстраиваться нет –
Тебе во всем поможем мы охотно.

17 июня 1982 года

ЛЕСНАЯ СКАЗКА

И вот я здесь, в лесной долине,
Где утром воздух синий-синий
И всё объемлет тишина;
Где ощущение такое,
Что ты стоишь в глуби покоя;
Где речка светлая до дна
Бежит, шурша на перекате,
И будто тихо-тихо плачет,
Что ей расстаться суждено
С такою милой красотой
И что остаться здесь, в покое,
Ей кем-то права не дано;
Дубов таинственные кроны,
Ковёр травы свеже-зелёной,
Где будто вкраплены цветы;
Березы тихие на склоне
Стоят чуть-чуть в полупоклоне
Как совершенство красоты;
В потоках воздуха незримых
Трепещут робко, боязливо
Осинок чуткие листы;
И тут и там промеж деревьев
Стоят и будто тихо дремлют
Все в росных капельках кусты.
На склоне западном деревьев
Коснулось солнце, тихо грея
За ночь остывшую листву,
А склон другой – будто в обиде,
Что он не первый солнце видит, –
К себе придвинул синеву.
Я очарован этой сказкой,
Игрой цветов, игрой контрастов
И насмотреться не могу.
Одно сейчас меня тревожит,
Что в слабой памяти, быть может,
Я сказку не уберегу.

1982 г.

ЖЕНЩИНА СМЕЯЛАСЬ

Наедине с самим собою
У городских больших домов
Я шёл в вечерний час весною
И стал невольником шумов.

Из окон музыка гремела,
И голоса наперебой
То чуть шепча, то громко, смело,
Призывно пели про любовь.

Любовь... Любовь... Как сердце греем
Мы ожиданьем нежных встреч!
И как порою не умеем
Любовь лелеять и беречь.

Вот вам окно, где отлюбили
И до черты дошли такой,
Что жизнь друг другу отравили,
Утратив радость и покой.

Не выбирая выражений,
Они не час, не два подряд
Бранятся до изнеможенья,
Жизнь превратив взаимно в ад.

Причину вряд ли кто укажет.
А если их самих спросить,
Из них никто путём не скажет,
Что им так тяжело вместе жить.

А вот окно, где песня льётся
«И о любви, и о судьбе»...
А рядом пьяно раздаётся:
«Заткнись! Ведь сказано тебе!»

Вот так и шло чередованье:
Призывы страстные к любви
Перемежались грубой бранью
Между нормальными людьми.

И вдруг в одном окне раздался
Искристый, неподдельный смех.
Я там невольно задержался,
Хотя подслушивать и грех.

Смеялась женщина задорно,
И я в том смехе уловил
Любовь и нежную покорность
Тому, кто рядом с ней басил.

И я тот смех унес с собою,
Он до сих пор живёт во мне
Как символ счастья и покоя,
Приют нашедший в том окне.

5 октября 1982 года

ВЕРЮ В РАЗУМ

Природа наделила человека
И чувствами, и речью, и умом.
И жил он, развиваясь век от века,
Забывая о величии своём.

Был человек беспомощен когда-то,
Боясь животных, их боготворил,
Но минуло то время без возврата,
И на Земле он стал властитель сил.

Живое всё ему подвластно стало –
Он приоткрыл законы естества
И, потрудившись разумом немало,
Смог расщепить сам атом вещества.

И в результате вызвал к жизни силу,
Способную все блага принести,
Но может статься так, что и могилу
Жизнь на Земле с ней может обрести.

Зависит всё опять от человека:
Что верх возьмёт – иль чувства, или ум...
Коль первое – не будет больше века,
Не будет больше жизнетворных дум.

А если ум восторжествует, люди
Познают глубже радости труда.
Век двадцать первый к нам придёт, и будет
Жизнь на Земле разумная всегда.

Я не за то, чтоб чувств у нас не стало,
Я не за то, чтоб чувства заглушить.
Я лишь за то, чтоб разума достало
И в радости, и в счастье вечно жить.

10 декабря 1982 года

ОТКУДА ЭТО НАВАЖДЕНЬЕ?

Как трудно в наш век просвещённый
Людей в чём-либо убедить,
Коль каждый если не Ньютоном,
То эрудитом себя мнит.
Возьмём, к примеру, тему пьянства.
О нём токуют каждый день,
Оно ж с завидным постоянством
Калечит тысячи людей.
Советы медиков, юристов
И выступления газет...
Всего довольно, даже слишком,
Но вот никто не даст ответ:
Откуда это наважденье?
Причины где? Истоки где?
И почему как наслажденье
Сльвёт вино среди людей?
Вот социологам вопросы
Какие б надо разрешить,
А их, как правило, уносит
К вопросу, сколько можно пить?!
Вопрос не в том, где меньше, больше
На душу выпито вина,
У нас, в Италии иль в Польше...
Цена-то этому одна:
Вино страшней землетрясений,
Тайфунов, ливневых дождей,
Вино, и в этом нет сомнений,
Калечит нравственно людей.

15 декабря 1982 года

ТАСУЮТ КАРТЫ ИГРОКИ!

У нас, людей Страны Советов,
Для беспокойства есть резон –
С зарядом ядерным ракеты
На нас нацелил Пентагон.

И к кнопке пуска безрассудно
Маньяков тянется рука...
Понять нам их не очень трудно –
Ведь это жесты игрока.

Идут ва-банк с надеждой тайной,
Что им, быть может, повезёт,
Но, уповая на случайность,
Не забывают свой расчёт.

Расчёт их прост: не дать серьёзно
Понять, что ставка их – весь мир.
Коль катастрофа, будет поздно
Решать, кто жертва, кто вампир.

Народы мира – все и всюду,
Тасуют карты игроки!
Что-либо сделать поздно будет,
Когда увидим взмах руки.

А мы, народ Страны Советов,
Отпор врагам готовы дать.
Но честно думаем при этом,
Как катастрофы избежать.

18 декабря 1982 года

СВИРСКАЯ БАМАДА

Блистая северной красою,
Раскинув воды вольно вширь,
Текла нейтральной полосой
Между воюющими Свирь.

В своих холодных светлых водах
Несла она спокойно вдаль
Воспоминания о годах
И дней сегодняшних печаль.

Почти три года берег правый,
Что был отторжен в трудный час
Одной соседней державой,
Жил, не спуская с брата глаз.

Тоскою тягостной томимый,
От брата помощи он ждал,
Чтобы пришельцев злых, немилых
Тот по заслугам покарал.

И вот июньской ночью белой
Его извечно верный брат
Послал ему на помощь смелых,
В боях испытанных солдат.

С врагами вместе вздрогнул правый,
Услышав залпов грозный гул.
Но улыбнулся, грудь расправил
И с облегчением вздохнул.

Снаряды, мины с воем рвались
В окопах, дзотах, блиндажах.
И тщетно пришлые старались
Перебороть расплаты страх.

Сто шестьдесят минут обстрела
Пришельцам были нележки.
И вот на штурм рванулись смело
Левобережные полки.

Речные воды подхватили
Понтоны, лодки и людей

И вместе с ними быстро плыли,
Гордясь подмогою своей.

Посланцев брата принимая,
Им берег помогал, чем мог,
То от огня их укрывая,
То открывая даль дорог.

Фронт уходил туда, на Запад,
Гремел за лесом дальний бой,
А здесь два свирьских кровных брата
Вели беседу меж собой.

Катились вновь от брата к брату
Речные волны, шля привет,
Таким стал мир их, как когда-то –
Десятки, сотни тысяч лет.

25 декабря 1982 года

СЁСТРАМ МИЛОСЕРДИЯ

Одни из нас ещё живые,
Других давным-давно уж нет,
Но вы для нас всегда родные,
Медсёстры тех военных лет.

Четыре года рядом с нами
Во тьме ночной и в свете дня
Вы шли и нежными руками
Спасали нас из-под огня.

Своею нежностью и лаской,
Так схожей с лаской матерей,
Вы приходили, как из сказки,
Нам не давая умереть.

И как порою мы бывали
Помочь бессильны чем-нибудь,
Когда вы рядом умирали,
Стыдливо пряча рану в грудь.

На ваших холмиках немало
Мужских горячих крупных слез,
И я хочу, чтоб вашу славу
Вам общий памятник вознёс.

28 декабря 1982 года

И ПАМЯТИ БОЛЬ, И ТРЕВОГА

В городах, в деревнях, на дорогах
Обелиски-святыни стоят,
В них и памяти боль, и тревога
За судьбу наших внуков-солдат.

По торжественным дням к обелискам
Мы приносим венки и цветы,
Отдавая ушедшим, но близким
По частичке своей теплоты.

И из этих частичек незримо
Образуются море тепла,
Чтобы память о них, о любимых,
Всенародной и теплой была.

Время лечит и раны, и боли,
Память вечно в легендах живёт...
А тревога зависит от воли –
Только воля тревогу убьёт.

Если воля людских миллионов
Сможет встать на пути у войны,
То от бед бесконечно огромных
Будут люди Земли спасены.

Люди мира! Не будьте же глухи,
Не давайте себя обмануть!
Есть у нас без войны, без разрухи
Мирный, светлый в грядущее путь.

12 января 1983 года

РОДИНЕ

Я тебе, страна родная,
Не слагал пока стихов,
Потому что мало знаю
Равных чувствам ярких слов.

Но меня, увы, торопит
Данный временем мне срок,
Потому не очень строго
Подходи к оценке строк.

Я давно томлюсь желаньем
Страстно выразить тебе
Благодарность за вниманье
К моей маленькой судьбе.

Ты дала мне право сыном
Называть себя твоим
И пеклась, как о любимом,
Сердцем нежным и большим.

Много прав больших и малых
Ты к тому же мне дала,
Чтобы равным был среди равных
И хватало мне тепла.

И я искренне старался
Отплатить тебе добром,
За тебя в боях сражался
И тебя крепил трудом.

Горд я званьем гражданина
Самой искренней страны,
Где живут семьей единой
Все народы как сыны.

15 января 1983 года

ОСТАЛОСЬ МЕЧТОЙ

Хоть порой я о встрече мечтаю,
Но она нам с тобой не нужна.
Знаешь ты, да и я тоже знаю:
Не вернётся к нам наша весна.

Ни закаты тех лет, ни рассветы
Не заблещут опять красотой...
Я не знаю сейчас даже где ты,
Ты была и осталась мечтой.

Не успели сказать мы друг другу
О любви нашей светлой с тобой –
Разметало по жизни нас вьюгой,
Но осталась занозой любовь.

Знаю я, что из пепла не вспыхнет
Никогда ни огонь, ни костёр.
Да, со временем чувство утихло,
А без чувства зачем разговор?

20 января 1983 года

О ВОЙНЕ

Война не тем мне памятна,
Что было трудно там,
А тем, что дружбой спаянным
Был страх подвластен нам.

Кому-то чудом кажется,
Что выстояли мы
Перед разбойным натиском
Коричневой чумы.

Но чуда, верьте, не было –
Чудес нет на войне,
Была святая преданность солдат
Родной стране.

Плечо друг друга чувствуя,
Мы верили в успех
И в то, что нам отпущена
Одна судьба на всех.

Судьба бойцов – защитников
Народа своего,
Идущих в бой за истину,
За правды торжество.

В победу вера светлая
Рождала силы в нас
И верность беззаветную
Отчизне в трудный час.

Прошли десятилетия,
Но, памяти верны,
Мы помним все отметины
Суровых лет войны.

И если к нам в страну придут
Враги с любой войной,
Они у нас опять найдут
Конец бесславный свой.

23 февраля 1983 года

«ВОЛНУ» ПРОСЛУШАВ

«Волны немецкой» передачу
На днях прослушав целиком,
Я был немного озадачен
Одним серьёзным «пустяком».
Как оказалось, я, наивный,
Четыре года воевал
Всего лишь с «жертвами» фашизма
И только вот сейчас узнал,
Что был я варвар и невежда,
Стреляя в танки «бедняков»,
Пришедших в дом ко мне в надежде
Найти себе приют и кров.
И больно стало мне при этом,
Что я, разбойник и злодей,
Взял Кенигсберг, отнял Судеты
У «обездоленных» людей.
«Волну» прослушав, был расстроен
Я тем, что, глупенький, тогда
За их порядок зверский «новый»
И честь, и землю не продал.
Сейчас у них там нет фашизма,
Они его «клеят», «клянут»,
Но вот росточки реваншизма
Как на дрожжах опять растут.
И не случится ли, что снова,
Став просто «жертвой» США,
Они пойдут в поход крестовый
Со старым кличем: «Нахт Москва!»?

Февраль 1983 года

ДОКТОР

В. А. Кураевой

Я говорить Вам не устану
О том, что Вас боготворю,
И повторять не перестану,
Что Вас я больше чем люблю.

Вы помогли мне четверть века
Прожить, забыв про боль внутри.
Как Вас, такого человека,
Я мог бы не боготворить?

Вы для меня и врач отличный,
И человек души большой,
Вы мне безмерно симпатичны,
И я Вам предан всей душой.

И Вам, милейшая из женщин,
Желаю я бессчетно раз
Счастливых лет и чтобы вечно
Любили муж и дети Вас.

13 марта 1983 г.

ДУМЫ ВЫСОТНИКА

Я просто карлик или пигмей
В сравнение с теми корпусами,
Что на земле родной своей
Я строю сердцем и руками.

Монтажник я, и высота –
Моя большая мастерская,
Мне здесь земная красота
Иными гранями сверкает.

Отсюда Землю вижу я
Намного чётче и объемней,
И мне не кажется Земля
Ни беспредельной, ни огромной.

Её легко перепахать,
Её нетрудно искорёжить,
А я мечтаю создавать,
Земли родной богатства множить.

Как важно, чтобы человек
Берёт земли родной богатства,
Чтобы она из века в век
Могла прекрасной оставаться.

10 апреля 1983 года

БЕДА В ОДНОМ

Мужчине только сорок лет,
Его бы статью любоваться,
А он кряхтит, как старый дед,
Не в силах с лавки приподняться.

На грудь склонилась голова,
Ногами тоже не владеет,
Бормочет бранные слова,
А смысла их не понимает.

Весь день «сражался» он с вином,
То в одиночку, то с друзьями,
И вот теперь, вином сражён,
Едва ворочает устами.

Так было и позавчера...
Но он домой сумел добраться,
Чтобы до самого утра,
Не раздеваясь, проваляться.

А вот вчера он «дал так дал»,
На всю катушку развернулся,
Но ввечеру где-то упал
И в вырезвители очнулся.

Из вырезвителя пришёл
И за бутылку снова взялся,
Все воскресенье с ней провёл
И еле до дому добрался.

И вот пытается поднять
На ноги гнущееся тело.
А завтра ведь ему вставать
И в цех идти... и что-то делать...

Представить каждому легко,
Как завтра будет он трудиться, –
Он всем, всему наперекор
Отыщет способ похмелиться.

К концу же дня само собой
Он обязательно напьётся
И снова пьяненький домой
Семье «на радость» приплетётся.

Иль отлежится дома день,
Потом, внушив врачу тревогу,
Получит как-то бюллетень
И тихо скажет: «Слава богу!»

И я бы тоже так сказал:
На производстве он опасен,
Я б никому не пожелал
Работать с тем, чей мозг неясен.

Три дня подряд я только взял –
Под выходной и в выходные –
И всё, как было, описал...
Не знаю, как в дни остальные.

Быть может, так же, может, нет,
Но это дела не меняет.
Беда в одном: в расцвете лет
Мужчина ум и честь теряет.

25 мая 1983 года

След оставляя в травах росных,
Брёл я знакомым мне леском
И птичку вовсе не нарочно
Покинуть вынудил свой дом.

Она взлетела, встрепелулась,
В испуге вскрикнув пару раз,
Потом просящее оглянулась,
Блестя бусинками глаз.

Её глаза, полны тревоги,
Укор высказывали мне:
Зачем хожу здесь без дороги
Помехой счастью и весне?

И я невольно подчинился
Её тревоге и мольбе,
Остановился, наклонился
И разглядел гнездо в траве.

И мне подумалось: как может
Судьбою просто случай стать,
Я б мог три жизни уничтожить,
Шагни подальше дюймов пять.

22 июня 1983 года

ПО ГРИБЫ

Из цикла «Детство»

Жаркий августовский день клонился к вечеру. Солнце уже не так пекло, но все дышало теплом. Листья на деревьях безжизненно повисли, как ошпаренные кипятком, и казалось, уже никогда не станут вновь глянцево-зелёными. Даже на сирени – всегда зелёные и как бы влажные – и то поблекли. Всегда и везде бродящие куры, прячась от жары, сидели в пыли под кустами сирени в палисаднике. Глаза их были прикрыты тонкой белой пленкой, а клюва открыты. Такая жара стояла вот уже несколько августовских дней, и деревня казалась вымершей: на улице – нигде никого.

Шестилетний Кирюша, белоголовый подвижный мальчик, вышел на крыльцо дома и зажмурился от обилия света и тепла. Спускаясь по ступенькам, он нетерпеливо перебирал босыми ногами – им было горячо от накалившихся ступенек, как и руке, которой хватался за перила. А ступив на большой плоский камень, лежащий перед крыльцом, быстро отдернул ногу – её прямо-таки обожгло. И лишь земля, хоть и теплая, все-таки не жгла подошв, а наоборот, как будто ласкала.

Кирюша посмотрел в одну, в другую сторону, но никого и ничего интересного увидеть не смог. Слева был палисадник, где расположились куры и отдыхала, растянувшись на траве под ветлой, кошка. В палисадник ему не хотелось, играть с Мамочкой (так звали кошку) он был не настроен, хотя и очень её любил. Справа от дома росли небольшие березы, стоявшие в ряд. Там были качели и Кирюша часто играл с двумя соседскими девочками – Тоней и Зиной, которые были чуть постарше него, но охотно качались вместе с ним на ка-

челях. Но сегодня девочек не было видно ни около качелей, ни около их дома.

Кирюша постоял немного и в надежде найти своих подружек двинулся к соседскому дому. В тот момент, когда он подошел к входу в дом, дверь открылась и из сеней с корзиной в руке вышел брат девочек Андрей, по прозвищу Злюка. Это был парень лет семнадцати, очень злой. Кирюша боялся его и, увидев, внезапно остановился и приготовился повернуть обратно. Но в этот момент Андрей, смеясь, спросил:

– Девоч что ли ищешь? А, Кирюха?

– Да так... – замялся мальчуган, уставившись на корзину, которую Андрей как раз устанавливал на скамейке.

В корзине были грибы, и Андрей, достав нож, приготовился очищать их от земли и травинок.

Кирюша знал, что такое грибы. Иногда – правда, очень редко – мать жарила грибы, и это было большим праздником. В их семье ходить в лес было некому: отец вечно занят в каких-то комитетах, а матери хватало дел по дому с хозяйством и тремя детьми.

И сейчас, увидев много грибов, мальчик не мог оторвать от корзинки глаз.

Андрей посмотрел на него с улыбкой и вкрадчиво спросил:

– Правятся? Хочется небось грибов-то?

– Правятся, – простодушно ответил Кирюша и даже вздохнул. – А ты ходил в лес сам, Андрюша?

– Конечно. И завтра еще собираюсь. Но грибов мало. Жарко.

– Андрюш, а Андрюш, возьми меня с собой в лес! Я хоть немножко наберу. У меня есть маленькая корзиночка. Хочешь, я сейчас принесу её и покажу тебе?

– Не надо. Ну, чего будешь бегать? Садись, если не спешишь. Ты грибы-то хоть знаешь? Какой, например, вот это

гриб? – Андрей взял в руки небольшой гриб с серой шляпкой и почти такой же ножкой.

– Ну, откуда я их знаю? Не знаю.

– Ну, так вот это подберёзовик. А это, – Андрей взял гриб с красной шляпкой, – подосиновик. Понятно?

– Понятно. А почему они так называются?

– Потому что растут один под берёзами, а другой – там, где много маленьких осинок.

– Как интересно! Андрюш, а почему же подберёзовики не растут под берёзками у нас? – Кирюша показал на березки между своим и соседским домом и берёзки вокруг сада позади дома.

– Потому что грибы любят лес. Около домов они не растут, тут только поганки растут.

– Андрюш, – снова начал Кирюша, – ну, возьми меня в лес! Я буду слушаться и от тебя отставать не буду. Мне так охота сходить за грибами!

В это время из дома вышел брат Андрея Егор, которого почему-то все звали Балда. Братья были двойни, но совсем не походили друг на друга. Если Андрей светло-русый и чист лицом, то Егор – черноволос и смугл. Он был намного добрее Андрея, гораздо на всякие злые выдумки. Кирюша хорошо помнил, как тот однажды «показывал» ему Москву. Для взрослых это была забава, на которую несведущие малыши попадались часто. Заключалась она в том, что, получив утвердительный ответ, взрослый брал малыша за голову так, что ладони находились на уровне ушей, и поднимал его вверх. Боль была такая, что глаза сразу наполнялись слезами.

Тем временем Андрей, хитро улыбаясь, обратился к брату:

– Горк, как ты смотришь на то, чтобы мне взять Кирюшу в лес завтра? Он просится, говорит, что ему очень охота сходить за грибами.

– Да брось ты, Андрюха, охота тебе тащить его с собой в такую жару? Ведь до леса четыре версты, а ты посмотри на него.

– Ну и что, что четыре версты? Он бегаёт, смотри как шустро.

– Смотри, дело твоё, только я не стал бы связываться. Да и мать его вряд ли отпустит.

Слушая братьев, Кирюша уже проникся симпатией к Андрею и начал сердиться на Егора: почему тот отговаривает брата?

Егор еще раз взглянул на брата, потом на Кирюшу и, махнув рукой, сказал:

– Ну, ладно, пошел нарубить дров. А вы тут решайте.

И крупно зашагал за угол дома, где у них лежал костёр дров.

Некоторое время длилось молчание.

Андрей сортировал грибы и очищал их, а Кирюша, как замороженный, смотрел на корзину, время от времени поднимая просящее лицо к Андрею.

– Ладно, Кирюха, возьму я тебя в лес, была не была. Но при одном условии, – Андрей замолчал.

Кирюша весь напрягся в ожидании. Он готов был на всё. Ему казалось, что он близок к исполнению своего желания. Об этом и сказал Андрею:

– Что хочешь, Андрюша! Но только возьми в лес.

– Хорошо, – молвил тот, – возьму в лес, если ты сейчас, при мне съешь вот этот гриб.

И Андрей достал из корзины небольшой подосиновик, быстро очистил его и протянул Кирюше.

Мальчик взял гриб в руки, внимательно и долго смотрел на него, потом поднял глаза на Андрея, думая, что тот сейчас улыбнётся и скажет, что пошутил. Но Андрей смотрел на него ожидающе.

Кирюша никогда не пробовал сырых грибов, но делать было нечего, он храбро откусил половину ножки и начал жевать. Рот сразу наполнился неприятной тягучей слюной, гриб был приторно-кисловатый, и Кирюше хотелось выплюнуть всё, что было во рту. Но Андрей смотрел на него, и сделать этого мальчик не мог, чтобы не показаться слабаком.

– Ты жуй, жуй, как следует. Целиком куски не глотай, это плохо, – советовал Андрей.

Кирюша старательно жевал, Откуда-то снизу поднималась тошнота, и не было сил проглотить грибную кашу. Но, пересиливая себя, мальчик всё же проглотил противную массу. Гриб был невелик, и оставалось откусить ещё два раза, но Кирюша не мог больше даже смотреть на гриб, а уж есть его совсем не хотелось. Но Андрей смотрел на него, смотрел требовательно, и ничего другого не оставалось, как откусить ещё раз.

Зажмурив глаза, мальчик сделал это, но жевать было мучительно трудно – тошнота поднялась с ещё большей силой, рот был полон слюны, сводило скулы. Не открывая глаз, Кирюша старательно, как требовал Андрей, начал жевать и, наконец, преодолевая себя, проглотил очередную порцию.

Оставалось съесть шляпку. Она была небольшая, но сил у Кирюши уже не оставалось. И выхода не было – очень хотелось в лес. Прежде чем отправить шляпку в рот, Кирюша посмотрел на Андрея в надежде, что тот скажет ему: «Довольно». Но Андрей смотрел на него серьёзно, и в его глазах читалось требование доедать.

У мальчика уже близко были слёзы, но он крепко зажмурился и положил шляпку гриба в рот. Она была еще противнее, а может, просто теперь казалось так. Начав жевать, Кирюша уже не мог сдержать слёз. Они текли даже из закрытых глаз. Преодолевая спазмы в горле, он кое-как про-

глотил всё и, не вытирая слёз на щеках, засмеялся, глядя на Андрея. Тот тоже засмеялся и сказал:

– А ты силен, Кирюха! Я и то не смог бы такое. Всё! Уговор дороже денег. Теперь не проспи! В лес пойдём рано.

– А где мне тебя ждать? – вытирая слёзы, спросил мальчик.

– Будь на крыльце, как только рассветёт. А я тебя кликну. Не проспишь?

– Не, не проспю. Я вставать могу рано.

Кирюша, радостный и гордый похвалой Андрея, припустился бегом к своему дому.

Дома была только трехлетняя сестрѐнка Катя. Когда Кирюша уходил, она спала, а сейчас играла на полу в свои куклы. Мальчик вспомнил, что надо её кормить, и полез в печку, где был чугунок с манной кашей. Он достал его, поднёс к сестрѐнке, взял ложку и тут же, на полу, как делал это не раз, стал потчевать Катю. Но та крутила головой и никак не хотела есть. Тогда брат решил подразнить её и поднёс ложку к своему рту. Но сестрѐнка ничуть не обеспокоилась и продолжала играть. Кирюша в сердцах отправил ложку каши в рот и тут же почувствовал, что какая-то сила выталкивает его внутренности. У него хватило сил добраться до лохани, стоявшей у двери.

Долго мучился Кирюша, стоя на коленях перед лоханью. Наконец с трудом поднялся и, шатаясь, направился к лавке в угу. Там стояла махотка с молоком, из которой он сделал два или три глотка. Пока пил, зубы стучали о края махотки, но сразу же стало лучше. Выпив еще молока, Кирюша в изнеможении опустился на лавку.

Когда мать пришла домой, Кирюша и Катя играли в палисаднике. Мать обратила внимание, что мальчик какой-то бледный. «Наверное, перегрелся на солнце. Он у меня неуго-

монный», – подумала она и прошла в дом. Следом за нею пришел старший брат Кирюши – Иван. Ему было уже девять с лишним лет, и он уходил с ребятами на речку купаться.

Вечером после долгого ожидания отца, который был по делам в районе, и не дождавшись его, сели ужинать.

– Мам, я завтра пойду за грибами в лес, – торжественно проговорил Кирюша.

Мать и старший брат, как по команде, повернулись к нему в недоумении.

– Как это в лес? С кем же ты пойдешь в такую даль? – поинтересовалась мать.

– А меня Андрюша Черногоров берет с собой. Он сегодня принес много грибов. Я был у них, и он обещал обязательно взять меня с собой.

– Мальчик мой. Да разве ты дойдешь в такую даль? Андрей небось пошутил.

– Вот честное слово, мам. Он не шутил. Сказал, чтобы я ждал его на крыльце и он позовёт меня.

«Ну и баламут этот Андрюшка!», – подумала мать, но ничего подобного не сказала, а только спросила:

– Это во сколько же тебя будить-то, Кирюша?

– Наверное, как пойдёшь доить корову, – ответил тот.

Мать задумалась. Не пустить – будет плакать весь день. И отпустить страшно: очень мал он, хоть и шустрый. Так весь ужин и думала, как же поступить. Когда отужинали, сказала:

– Ну, грибник, отправляйся спать. И чтобы спать, как следует, ночью не вскакивать. Я разбужу тебя.

Будить Кирюшу почти и не пришлось. В отличие от старшего брата он был очень лёгок на подъем. И собрался быстро: не прошло и десяти минут, как сидел с корзиночкой на крыльце и с надеждой поглядывал на дверь соседского дома.

Но терпения хватило лишь на пару минут. Он отправился к дому Черногоровых. Сердце его забило от радости, когда услышал, что кто-то идёт к выходу. Уже собрался увидеть Андрея, но из двери вышла его мать, тетя Матрёна, с подойником в руке.

– Ты что, Кирюша? – удивилась она. – Куда это ты в такую рань собрался?

– С вашим Андреем в лес за грибами.

– А он обещал взять тебя с собой?

– Да, вчера обещал. Он не встал еще?

– Нет его дома. Он уже ушел в лес. Сразу как пришел с гулянки.

Руки у Кирюши опустились, и в поднятых к ней глазах женщина увидела крупные слёзы. Ей стало жаль этого смыслёного мальчика, но чем она может помочь ему? Она положила руку на его голову.

– Не плачь, Кирюша! Андрей, баламут этакий, у меня своё получит. Ты ещё сходишь в лес, когда подрастёшь.

– Да-а, – протянул Кирюша, – я хочу сейчас...

– Успокойся, маленький. Иди поспи. Тебе нельзя так рано вставать. А потом: до леса так далеко. А уж если так хочется, пойди в кустики (так в деревне называли куртину березовой поросли – *Н. Г.*), там тоже иногда попадаются грибы. Только спросись у матери. Хорошо?

Ничего не ответив тетке Матрене, Кирюша пошел домой, думая о том, что он бы ни за что не поступил с маленьким так, как Андрей. Глубокая обида запала ему в душу.

Унылый, с невысохшими слезами, поднялся Кирюша на крыльцо и сел на лавку.

– Что, все ещё ждёшь, грибник? – удивленно спросила вышедшая на крыльцо мать. И тут же осеклась, увидев лицо мальчика. – Что случилось, сынок?

– Обманули меня... Андрей уже ушёл в лес... Я был у них...
И слёзы неудержимо покатались из глаз Кирюши.

– Ну, не надо плакать, сынок. Ничего особенного не случилось. Андрюшка известный шутник и балаболка. Иди попей парного молочка и ложись поспи ещё.

Она обняла его и повела в дом. Там дала ему кружку молока и любимое лакомство – пару печений.

– Mam, a mam, a можно я схожу в кустики? Тетка Матрёна говорит, что там тоже бывают грибы.

– А ты не испугаешься один-то?

– Нет, не испугаюсь. Mam, может, там я найду грибов?

– Ладно. Поешь и подожди меня. Я отгоню корову в стадо и провожу тебя немного.

...Через полчаса счастливый Кирюша шагал вместе с матерью к кустикам. Там он нашёл свой первый гриб – крепкий молоденький подберезовик. А мать, которая так и не смогла оставить сына одного в незнакомом месте, насобира-ла лисичек, свинушек, сыроежек. Вечером они ели жареные грибы, которые казались мальчику вкусными, как никогда.

Примечание

В стихах встречаются имена людей, с которыми была связана личная и профессиональная жизнь Н. Д. Гришина. Хотелось бы назвать некоторых из этих людей.

«*Памяти брата*» (с.17): **Гришин Иван Дмитриевич** – брат Николая Гришина, летчик, погиб в годы Великой Отечественной войны. Его имя носил пионерский отряд одной из школ города Серпухова Московской области.

«*Гале*» (с.21): **Гришина (Игумнова) Галина Петровна** – супруга. Уроженка села Малое Руново Каширского района. Преподаватель истории, работала завучем в Каширских школах работающей молодёжи и средней № 3.

«*На смерть Я. С. Губницкого*» (с.49): **Губницкий Яков Соломонович** – художник, преподавал рисование и черчение в Каширской средней школе № 4; **Ручкин Василий Алексеевич** – директор этой же школы; **Ягодин Лев Дмитриевич** – учитель физкультуры, **Селиверстов Иван Фёдорович** – учитель труда и машиноведения, **Самгин Юрий Александрович** – учитель русского языка и литературы, **Панфилов Николай** – лаборант кабинета физики (все – в средней школе № 4); **Кондрашов Николай Иванович** – директор семилетней школы № 7 (Кашира-2); **Любченко Виктор Фёдорович** – учитель математики, **Левшин Владимир Максимович** – учитель труда и машиноведения, **Смолиевский Виктор Александрович** – учитель труда (все – в средней школе № 3).

«*Доктор*» (с.71): **Кураева Валентина Александровна** – хирург, работала в хирургическом отделении Каширы-2.

Содержание

А. Гришина «Их нет уже. Они свой срок отбыли»	3
И. Федорова «Учитель, воин, учитель»	4
К ЛЮБИМОЙ	7
КЛЯТВА	8
ВЕРНИСЬ!	9
ПРОЩАЛЬНАЯ.....	10
ВОСПОМИНАНИЯ	11
ПРОЩАЙ	12
К ССОРЕ	13
ОФИЦЕРСКАЯ ЗАСТОЛЬНАЯ	14
МЫ – ГВАРДЕЙЦЫ	15
МИР ЕВРОПЕ	16
ПАМЯТИ БРАТА	17
ЛЮБИМОЙ	18
РЕВНОСТЬ	19
ОРЛОВСКОЙ НЕЗНАКОМКЕ.....	20
ГАЛЕ	21
РОДНОЙ КРАЙ	22
СИНИЦА (басня)	23
СПОРИТЬ НЕ СТОИТ	24
НОЧЬ НА ОЗЕРЕ.....	25
РОДНОЙ АРМИИ	26
ПЕДСОВЕТ.....	27
ЖЕНЕ ГАЛЕ.....	28
ЖЕНЩИНАМ-УЧИТЕЛЯМ	29
В СИЯНЬЕ СОЛНЦА ЗОЛОТОГО	30
ЗАПРЕТНАЯ ЛЮБОВЬ	31
СЛЫШУ СОЛОВЬЯ	33
ВЫПУСКНИКАМ ШКОЛЫ	34
СЧАСТЛИВ ОТ ТОГО Я.....	35
НА СМЕРТЬ З. Н. ЧАРУХИНОЙ	36
ЖЕНЕ ГАЛЕ	37
И БЫЛ ПАРАД	38
СБЕРЕЧЬ МИР	40
«ИСТИНА В ВИНЕ»?	41
НЕ ЖАЛУЮСЬ, А ВОЗМУЩАЮСЬ	42
«Ах, леди Тетчер! Кто сказал Вам...»	45
НЕ РАЗДУВАЙТЕ ИСТЕРИЮ!	46

СВИДАНИЕ.....	47
НАНИ БРЕГВАДЗЕ	48
НА СМЕРТЬ Я. С. ГУБНИЦКОГО	49
ВОЛОДЕ ФЕДЮКОВУ	50
СТАРШЕМУ БРАТУ	51
НЕ ПОВЕЗЛО.....	52
«В Европу, как в свои владенья...»	54
ЖИВИ И ЗНАЙ!	55
ЛЕСНАЯ СКАЗКА	56
ЖЕНЩИНА СМЕЯЛАСЬ	57
ВЕРЮ В РАЗУМ.....	59
ОТКУДА ЭТО НАВАЖДЕНЬЕ?	60
ТАСУЮТ КАРТЫ ИГРОКИ!	61
СВИРСКАЯ БАЛЛАДА.....	62
СЁСТРАМ МИЛОСЕРДИЯ	64
И ПАМЯТИ БОЛЬ, И ТРЕВОГА	65
РОДИНЕ	66
ОСТАЛОСЬ МЕЧТОЙ	67
О ВОЙНЕ	68
«ВОЛНУ» ПРОСЛУШАВ	70
ДОКТОР	71
ДУМЫ ВЫСОТНИКА	72
БЕДА В ОДНОМ	73
«След оставляя в травах росных...»	75
ПО ГРИБЫ (рассказ).....	76
Примечание	85

Литературно-художественное издание

Гришин
Николай Дмитриевич

«Мы увидели нашу победу»

Стихотворения, проза

Под редакцией А. Гришиной
Компьютерная верстка И. Фёдоровой

Подписано в печать: 2.04.2015 г.
Формат 60x90^{1/16}. Бумага офсетная.
Гарнитура «Peterburg».
Печать офсетная.
Тираж 500 Заказ

Издательство «ММТК-СТРОЙ».
113035, Москва, 2-й Кадашевский пер., д. 10, кор.1
Отпечатано в ЗАО «Завод экспериментального оборудования
«ММТК-СТРОЙ»
113035, Москва, 2-й Кадашевский пер., д. 10, кор.1
Телефон: (495) 646-66-73 e-mail: mmtk-st@yandex.ru

